

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

А. А. Некрасов

**Советская историческая наука
1930-х – начала 1950-х гг.**

Текст лекций

Рекомендовано

*Научно-методическим советом университета
для студентов, обучающихся по специальности История*

Ярославль 2010

УДК 94(47+57):930

ББК Т1(2)6

Н 48

Рекомендовано

*Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2009/10 года*

Рецензенты:

Азов А. В., д-р филос. наук, канд. ист. наук, заведующий
кафедрой философии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
кафедра отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Н 48   **Некрасов, А. А. Советская историческая наука 1930 – на-
чала 1950-х гг.: текст лекций / А. А. Некраов; Яросл. гос. ун-т
им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 64 с.**

ISBN 978-5-8397-0774-0

В настоящем издании рассматриваются основные проблемы развития отечественной исторической науки эпохи сталинизма. Уделяется внимание условиям развития советской историографии, формам и методам партийно-государственного контроля над исторической наукой, анализируются различные тенденции в изучении проблем российской средневековой и новой истории, а также истории революции и советского общества. Рассматриваются локальные дискуссии советских историков по проблемам российской и советской истории.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 030401.65 (дисциплина «История исторической науки»; «Историография», блок ОПД), очной формы обучения.

УДК 94(47+57):930

ББК Т1(2)6

ISBN 978-5-8397-0774-0   © Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова, 2010

Введение

Историческая наука в России достигла, пожалуй, наивысшего расцвета в 1890–1900-е гг., когда свои лучшие труды по истории России создавали С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков, Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков, А. Е. Лаппо-Данилевский, Н. А. Рожков и многие другие. Не отставали от них и специалисты по всеобщей истории Р. Ю. Виппер, Л. П. Карсавин, Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский, И. М. Гревс. На это же время приходится и расцвет философии, социологии и психологии в России. Эти науки развивались в тесной взаимосвязи, что, безусловно, не только раширяло кругозор российских историков, но и укрепляло теоретический фундамент исторической науки.

Следует также заметить, что российская наука этого времени вышла, в полном смысле этого слова, на европейский уровень. В России были известны, легко доступны, как на языке оригинала, так и в русских переводах, широко читались и обсуждались все более или менее известные новинки западной гуманитарной и обществоведческой литературы, российские ученые часто выезжали в европейские страны, работали в западных университетах и архивах, участвовали в международных конференциях и конгрессах. Важно подчеркнуть, что впервые в истории отечественная наука выступала не в роли простого реципиента, комментатора и популяризатора западных идей, а как равноправный партнер передовой европейской и мировой науки и культуры. Достаточно упомянуть об одном лишь факте: очередной Международный конгресс исторических наук предполагалось провести в 1918 г. в Петербурге, а А. С. Лаппо-Данилевский возглавил оргкомитет по подготовке конгресса, что свидетельствует о высоком статусе российской исторической науки до революции 1917 г.

Впрочем, расцвет не может длиться долго и неизбежно сменяется упадком. В 1921 г. в Казани небольшим тиражом вышла брошюра Р. Ю. Виппера «Кризис исторической науки». Это был поистине «крик души» маститого историка, на глазах которого безжалостно разрушалось всё то, что было дорого ему и большинству его коллег. Пессимистические настроения овладели в то время многими историками, что отражено, в частности, в их пере-

писке и дневниках. «Я совершенно ясно вижу на себе отражение и проявление общей деморализации, составляющей сущность нашего крушения и распада всего государства и общества, – писал С. Б. Веселовский в своем дневнике за 1918 г. – У всех утрачена вера в себя и свои силы; утрачен стыд и затемнена совесть; утрачено совершенно желание работать и сознание необходимости труда.... Я, при всей своей привычке и любви к труду, – не могу работать. Сажусь за свои научные темы, и неотвязно преследует мысль: это никому не нужно, бессмысленно, что, быть может, через неделю или через месяц я буду стерт с лица земли голодом или грабителем, что та же участь ждет мою семью»¹. Подобное душевное состояние отражено и в дневнике Ю. В. Готье: «Днями я испытываю тяжелую, невыразимую тоску, из которой нет выхода, как нет и выхода из нашей жизни. Холод, голод, смерть нравственная и физическая, – вот удел всех, кто не приспособился и не спекулирует»².

Очевидно было, что во всех бедах российской исторической науки виноваты большевики и их политика. Аресты, расстрелы, «чистка» университетов, «рабфаки», политика дискредитации «буржуазной» науки, резкая смена приоритетов в историографии, высылка 1922 г., – всё это и многое другое в политике большевиков, мягко говоря, не способствовало процветанию исторической науки.

И все-таки возникает вопрос, только ли большевики «повинны» в разрушении «старой» историографии? Достигла ли российская дореволюционная историческая наука высшей точки в своем развитии, после чего неизбежно должен был последовать «упадок», или была «подстрелена» большевиками «на взлете»?

Характерно, что сами «буржуазные» историки, даже те, кто, как Ю. В. Готье и С. Б. Веселовский, крайне негативно относился к большевистскому режиму, тем не менее, начало «болезни» российской исторической науки относят к дореволюционному прошлому. «...Я стал пессимистом давно, еще с 1904–1905 года», –

¹ Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 105.

² Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 137.

отмечал С. Б. Веселовский в письме С. Ф. Платонову³. В упомянутой брошюре Р. Ю. Виппер пишет о кризисе не только российской исторической науки, но и современного исторического знания в целом. Главную проблему науки Виппер видит в несовершенстве её методологии, порицая увлечение историков, в том числе и либеральных, «экономическим материализмом», упрекая их в стремлении найти простые универсальные объяснения исторических фактов, создать некую единую историцистскую теорию, невольно заставляющую историков «подгонять» «живые» факты под абстрактные социологические схемы.

Действительно, с началом нового, XX века облик российской исторической науки стал стремительно меняться. Численность историков-профессионалов, научных работников стремительно росла, увеличивалось в геометрической прогрессии и количество научных монографий, магистерских и докторских диссертаций. Бурное развитие капитализма в России привело к ускорению ритма жизни как российского общества в целом, так и научного сообщества. Time стремительно превращалось в money. Менялась и профессиональная этика, и система ценностей. Все чаще молодые историки руководствовались не столько интересами науки, сколько материальными и карьерными интересами.

В этих условиях длительный, кропотливый ежедневный труд в архивах и библиотеках, переписывание от руки, зачастую неоднократно, множества документов, как это делал, например, С. Б. Веселовский, представляется ненужной тратой времени. Сам Степан Борисович нередко ощущал себя чудачком, «который занимается никому не нужным делом, вместо того, чтобы "делать карьеру" и "добывать хлеб", как это подобает»⁴. М. А. Дьяконов в письме Веселовскому от 19 марта 1916 г., сообщая о предстоящей на историко-филологическом факультете Петроградского университета защите докторских диссертаций Л. П. Карсавина, В. И. Веретенникова и А. Г. Вульфiusa, размышляет: «Можно ли отсюда сделать заключение о процветании наук, в частности

---

³ Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 188.

⁴ Там же. С. 89.